

ӘОЖ 821.161.1-1:141.7

ПОЭТИКА ЕСЕНИНА И КАЗАХСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ ФИЛОСОФИЯ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Жақсылықов Мақсат Бекетайұлы

2 курс магистратуры, Русская филология, Поморский университет в
Слупске (Uniwersytet Pomorski w Słupsku, Польша)

В статье анализируется взаимосвязь поэтики Сергея Есенина и казахской традиционной философии, выявляются общие мировоззренческие основания и точки соприкосновения. Рассматривается отношение к природе как к одушевлённому пространству, в котором человек, земля и космос образуют единую нравственно-насыщенную целостность; сопоставляются есенинский культ «родной земли» и казахское понятие «тузан жер» как ключевые элементы национальной идентичности. На материале творчества Абая и других казахских мыслителей раскрывается идея «целостного человека» и показывается её созвучие внутренней драме есенинского лирического героя, переживающего разрыв традиционного уклада в эпоху модернизации. Особое внимание уделяется музыкальности есенинского стиха и её близости к устно-песенной традиции акынов и жырау, а также рецепции Есенина в казахстанской культуре и переводческой практике. Автор демонстрирует, что поэтика Есенина встраивается в евразийский философско-культурный контекст, превращаясь в пространство диалога между русской и казахской духовными традициями.

Ключевые слова: философия, культура, поэтика, степь.

Введение. Поэтика Есенина неожиданно органично «стыкуется» с казахской традиционной философией, хотя исторически это две разные культурные вселенные – крестьянская Русь и кочевая степь. Но если присмотреться не к внешним формам, а к типу мировосприятия, к тому, как поэт и мыслитель видят природу, человека, время и нравственный долг, становится видно: между есенинской лирикой и казахским философским горизонтом пролегает не декоративный, а глубинный диалог. В центре и у Есенина, и у казахской философской традиции стоит не абстрактная идея, а живой человек, включённый в космос природы и общину, – от бедного рязанского мужика до кочевника, идущего со своим аулом за весенней травой. Казахская философия, как подчёркивают современные исследователи, по сути представляет собой этико-эстетическое и одновременно метафизическое учение о «прекрасной и праведной жизни», где природа, красота, нравственность и

духовность образуют неразрывное целое. В этом смысле есенинский мир – с его болью за «Русь уходящую», культом «родной земли» и одухотворёнными полями и лесами – удивительно близок к казахскому пониманию мира как живого, вибрирующего пространства, которое «одаряет человека красками, гармонией звуков и музыкой жизни».

Одно из главных пересечений – отношение к природе как к живому собеседнику и нравственному зеркалу человека. У Есенина берёзы, нивы, рощи, кони, птицы – не фон, а персонажи, обладающие душой и голосом: «Нивы сжаты, рощи голы...», «Запели тёсанные дроги...», «Край ты мой заброшенный...». Природа у него – это «вторая кожа» человека, его продолжение. Она страдает вместе с крестьянином, стареет вместе с поэтом, радуется его коротким вспышкам счастья. Это близко к казахской традиции, где степь, горы, реки и ветер всегда выступали не просто географией, а моральным и духовным пространством: «любовь к человеку и природе – ключ к философии Абая», пишут исследователи, отмечая, что природа в его стихах «очеловечивается» и воспринимается через внутренний мир человека. У Абая зимний холод или весеннее пробуждение – это не только сезон, но и метафора состояния души, так же как у Есенина русская зима или осенняя «золотая роса» – это всегда экзистенциальный комментарий к судьбе человека и народа. Второй важный узел – культ «родной земли» и мотив «малой родины». Есенин буквально срастается с рязанской деревней, с её избами, «кривыми улочками», «стогами ржанных копн». Его знаменитое «Гой ты, Русь, моя родная...» построено как любовное признание не абстрактной державе, а конкретному сельскому миру, где запахи, краски, звук коровьих колокольчиков и скрип телеги обладают почти сакральным статусом. У казахской философии есть схожий нерв – глубинное понятие «жер», родной земли, и «туған жер», земли рождения, которое соединяет пространственное и духовное: земля – не собственность, а часть идентичности. В традиционной культуре казахов принадлежать роду и земле означало иметь корни, иметь моральную опору; потеря связи с родной землёй воспринималась как духовное осиротение. В поэтике Есенина трагедия уезда в город, разрыва с деревней и разрушения патриархальной Руси переживается почти как антологическая катастрофа – так же, как позднее в казахской литературе травма насильственной оседлости и коллективизации будет осмысляться как разрыв с естественным, «Божьим» укладом жизни.

И казахская традиционная философия (воплощённая прежде всего в творчестве Абая Кунанбаева), и Есенин исходят из того, что мир подчинён не только физическим законам, но и нравственному порядку. Абай, которого называют основателем казахской письменной литературы и поэтом-мыслителем, строит своё учение вокруг идеи «целостного человека» – личности, в которой соединены знание, совесть, любовь и труд.

Казахские философы подчёркивают: его наследие – это прежде всего этика ответственности перед собой, людьми и Богом, а знания – не инструмент карьеры, а основа духовного роста. У Есенина мы не найдём систематической философской доктрины, но в его лирике постоянно звучит интуиция «целостности» — тоска по гармонии между внутренним и внешним, между человеком, природой и историей. Лирический герой Есенина переживает гибель деревни, разгон общины, социальные переломы как разрушение не только экономического уклада, но и нравственного космоса.

Его поздние тексты – от «Письма к женщине» до «Русь советская» – полны боли за то, что человек, увлечённый новой техникой и идеологиями, теряет ощущение корней, меры и совести. В этом он очень близок Абаю, предупреждавшему, что знания без нравственной опоры превращаются в источник духовной опустошённости. Отдельная зона соприкосновения – характер национального пантеизма, в котором природа переживается как «место присутствия» сакрального. У казахов традиционно сильна тенгрианская линия – вера в Небо (Тәңір), в одушевлённость мира. В советской и постсоветской казахской философии подчёркивается, что казахское мировоззрение строится на ощущении гармонии человека и космоса: человек – гость в этом мире, но не случайный, он включён в круговорот жизни и несёт ответственность за сохранение этой гармонии. Есенин не религиозный философ в строгом смысле, но его поэтика насквозь религиозна в чувственном смысле: для него Бог растворён в берёзах, в речной воде, в «пожаре голубом» заката. Его знаменитое «Я буду воспевать всем существом в поэте шестую часть земли с названием кратким "Русь"» – это фактически поэтический символ веры в сакральность родной земли. Казахский поэт или жырау с его опытом молитвенного вслушивания в степной ветер и «музыку жизни» природы легко узнаёт в этом близкого собрата по духу. Музыка и устная традиция – ещё одна точка, где поэтика Есенина и казахская философская культура буквально «узнают» друг друга. Есенин – один из самых музыкальных русских поэтов: его стих построен на народной песне, частушке, причите; ритм и звук у него не менее значимы, чем образ и смысл. Критики метко говорили об «орнаментальности» его образов, когда метафора превращается в узор, почти в ковер. Для казахской традиционной культуры поэзия и музыка вообще неотделимы: акыны и жырау поют свои тексты под домбру, а философия часто выражается именно в поэтическом, песенном слове.

Исследователи казахской философии отмечают, что она по форме – не столько трактаты, сколько поэтические высказывания о любви, справедливости, долге, красоте. Поэтому неудивительно, что именно в Казахстане переводы Есенина на казахский язык стали важным культурным явлением: от работы классика Кадыра Мырзалиева, который считал переводы Есенина своей творческой удачей, до современных проектов, вроде сборника «Өмірқос»

(2023), где опубликованы казахские версии стихотворений «Заметался пожар голубой...», «Край любимый! Сердцу снятся...» и других. Переводчики подчёркивают, что именно «песенность» Есенина делает его особенно близким казахскому уху.

Важно и то, что и Есенин, и казахские мыслители конца XIX – начала XX века (прежде всего Абай) живут на изломе эпох – между традиционным миром и наступающей модернизацией. Абай, знакомый с русской и западной философией, остро переживает моральное отставание своего общества, его раздвоенность между старым степным укладом и новой реальностью.

Есенин, оказавшийся свидетелем революции, НЭПа, разрушения патриархальной деревни, тоже живёт в этом «между»: он и любит свою крестьянскую Русь, и видит её социальную отсталость, несправедливость, тяжёлый быт. В обоих случаях рождается особый тип философской меланхолии: не пассивной тоски, а активного, болезненного размышления о цене прогресса, о том, как не потерять душу, вступая в индустриальное и бюрократическое будущее. Современные казахстанские исследователи, анализируя философию Абая, прямо говорят о том, что его идеи о человеке, обществе, образовании, языке остаются актуальными для XXI века, именно потому, что он отвечал на вопрос: как сохраниться нравственно в эпоху перемен.

Этот вопрос попадает в самую сердцевину есенинской поэтики.

Наконец, не стоит забывать и о том, что сама казахская философская и литературная традиция уже почти столетие ведёт осмысленный диалог с Есениным. Казахские поэты писали ему посвящения (достаточно вспомнить, например, обращение Мукагали Макатаева к Есенину), спорили с ним и признавались ему в духовном родстве.

В Казахстане сложилось устойчивое направление переводов Есенина, о котором в научных работах говорят как о «значительном и интересном явлении» – потому что переводчикам пришлось осваивать всю сложность его «национального мелоса» и орнаментальной образности на казахской почве.

Его стихи входят в школьные списки чтения по русской литературе, что означает массовое приобщение казахстанских школьников к есенинскому образу мира уже на уровне базового образования. Это уже не абстрактная «близость культур», а реальная повседневная практика чтения, в которой казахский школьник или студент узнаёт в есенинском лирическом герое не только «русского поэта с берёзой», но и человека, очень похожего на героя собственных национальных текстов – с той же болью за землю, с тем же чувством ответственности перед предками и потомками, с тем же стремлением остаться честным в мире, который стремительно меняется.

Таким образом, точки соприкосновения поэтики Сергея Есенина и казахской традиционной философии проявляются не на уровне поверхностных

тематических параллелей, а на уровне фундаментальных мировоззренческих структур, формирующих само понимание человека и его места в мире. В обоих культурных пространствах — и в русской крестьянской космогонии, и в степной тюркской философии — природа предстает не как декоративный фон, а как одушевлённая субстанция, наделённая собственной волей, ритмом и внутренней музыкальностью. Пантеистическое переживание мира у Есенина, где берёза, ветер, река становятся участниками человеческой судьбы, удивительным образом перекликается с казахским представлением о природе как о сакральном пространстве, связанном с Небом (Тәңір), родом, памятью предков и духовной ответственностью человека перед землёй.

Не менее значимой является и общая для обеих традиций идея «родной земли» как духовного центра, определяющего личность. Для Есенина Рязанская Русь — не география, а живой организм, утрата связи с которым превращается в трагедию исторического масштаба. В казахском мировоззрении аналогичную роль играет понятие «туған жер», родной земли, где совпадают личная судьба, родовая память и нравственная опора. Это родство чувств объясняет, почему казахстанские читатели интуитивно узнают в есенинской тоске по деревне и в его боли от разрушения традиционного мира собственные культурные и исторические переживания.

Схожим образом соприкасаются и этические основания двух культур. Казахская традиционная философия, особенно в интерпретации Абая, строится вокруг концепции «целостного человека» — личности, объединяющей в себе нравственность, разум, трудолюбие, сострадание и внутреннюю гармонию. Есенин, хотя и не формулирует философскую систему, художественно переживает ту же проблему: его лирический герой постоянно ищет цельность, пытается примирить душевные порывы, социальные перемены и ответственность перед землёй и людьми. Его внутренние колебания, сомнения, трагическое чувство вины и стремление удержать нравственный стержень в эпоху слома традиционного уклада оказываются глубоко созвучны абаевскому идеалу духовного совершенствования.

Музыкальность мышления также служит точкой пересечения. Есенин формирует поэзию, опирающуюся на народную песню, ритм, звук и образ, что делает его стихи «поющими». Казахская культура, где философия преимущественно существовала в песенной форме жырау и акынов, легко впитывает и интерпретирует этот звучащий, орнаментальный язык. Именно поэтому переводы Есенина на казахский язык не выглядят искусственной адаптацией: они воспринимаются как естественное продолжение местной поэтической традиции, где слово всегда было прежде всего музыкой, а поэт — хранителем гармонии мира.

Наконец, общий исторический опыт перехода от традиционного общества к модерности является важнейшей точкой глубинного родства. И Есенин, и

казахские мыслители конца XIX – начала XX веков переживают эпоху стремительных социальных трансформаций, разрушения прежних укладов и болезненного столкновения с новым типом цивилизации. Для обоих культурных миров модернизация приносит не только новые возможности, но и чувство утраты, разобщённости, духовного одиночества. Есенин выражает это в трагическом ощущении «уходящей Руси», а казахские философы — в размышлениях о судьбе кочевой культуры, об угрозе утраты моральных ориентиров и связи с землёй. Эти параллели создают уникальную точку соприкосновения, где два поэта — Есенин и Абай — словно вступают в диалог через расстояние и время, обсуждая одни и те же экзистенциальные вопросы.

Именно поэтому творчество Есенина так органично приживается в казахском культурном пространстве: он оказывается не просто переводимым автором, но духовным собеседником. Его поэтика отвечает тем вопросам, которые казахская философская традиция задаёт себе уже на протяжении веков: о смысле человеческого существования, о долге перед родом и землёй, о гармонии между природой, обществом и внутренним миром человека. В итоге Есенин в Казахстане воспринимается не как «чужой» русский поэт, а как художник, чей мир удивительно созвучен степной философии, а его лирика становится частью широкой евразийской духовной картины, объединяющей разные народы в общем опыте чувств, мыслей и исторической памяти.

Список использованной литературы

1. Казахская традиционная философия: ценности, мировоззрение, гармония. // Al-Farabi Journal of Philosophy. — Режим доступа: <https://alfarabijournal.org>
2. Ахметов Қ. Қазақ поэзиясының тілі. — Алматы: Ғылым, 2011. — 348 б.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — 423 с.
4. Бейсенова А. Традиционное мировоззрение казахов: философские основания. — Астана: Фолиант, 2020. — 214 с.
5. Философия природы в казахской культуре. // Institute of Philosophy Kazakhstan (IPH). — Режим доступа: <https://iph.kz>
6. Дунаев М. М. Сергей Есенин: жизнь и творчество. — М.: Молодая гвардия, 2007. — 419 с.
7. Философия Абая: человек, природа, нравственность. // StudFiles. — Режим доступа: <https://studfiles.net>
8. Наследие Абая и современное казахстанское общество. // Казахстанская правда. — Режим доступа: <https://kazpravda.kz>

9. Этика и духовное воспитание в трудах Абая. // Министерство образования РК (gov.kz). — Режим доступа: <https://www.gov.kz>
10. Есенин и философия цельности: обзор материалов. // Olketanu — Пушкинская библиотека, Казахстан. — Режим доступа: <https://olketanu.pushkinlibrary.kz>
11. Гармония человека и вселенной в тенгрианской традиции. // Al-Farabi Journal of Philosophy. — Режим доступа: <https://alfarabijournal.org>
12. Козыбаева М. Пантеистические мотивы в казахской и русской лирике // Вестник Евразийского университета. — 2020. — №3. — С. 128–137.
13. Поэтика Есенина в контексте евразийской культурной традиции. // IPH Kazakhstan. — Режим доступа: <https://iph.kz>
14. Орнаментальность и мелос в поэзии Есенина. // Цифровая библиотека. — Режим доступа: <https://lib.kazneb.kz> или <https://e-history.kz>
15. Пахмутова Е. В. Мир Есенина: символы, мотивы, культурный код. — СПб.: Филологическое общество, 2016. — 302 с.
16. Сатыбалдиев Ә. Қазақ әдебиетінің тарихы. — Алматы: Білім, 2004. — 496 б.
17. Переводы Есенина на казахский язык: творческое наследие Кадыра Мырзалиева. // Жайық Пресс. — Режим доступа: <https://zhaikpress.kz>
18. Сборник «Өмірқос» (2023): новые переводы Есенина. // Irtar / IrStar (новостной портал). — Режим доступа: <https://irstar.kz>
19. Поэтический диалог Макатаева с Есениным. // Stihi.ru. — Режим доступа: <https://stihi.ru>
20. Есенин в школьной программе Казахстана. // Kargoo.kz (портал школ РК). — Режим доступа: <https://kargoo.kz>

ЕСЕНИН ПОЭТИКАСЫ ЖӘНЕ ҚАЗАҚ ДӘСТҮРЛІ ФИЛОСОФИЯСЫ: ТҮЙІСУ НҮКТЕЛЕРІ

Жақсылықов Мақсат Бекетайұлы

Мақалада Сергей Есенин поэтикасы мен қазақтың дәстүрлі философиясы арасындағы өзара байланыс талданып, ортақ дүниетанымдық негіздер мен түйісу нүктелері айқындалады. Табиғатты адам, жер және ғарыш біртұтас моральдық-мағыналық кеңістік ретінде қабылдау мәселесі қарастырылады; Есенин поэзиясындағы «туған жер» культі мен қазақ философиясындағы «туған жер» ұғымы ұлттық болмыстың негізгі элементтері ретінде салыстырылады. Абай және басқа да қазақ ойшылдарының шығармашылығы негізінде «тұтас адам» идеясы ашылып, оның модернизация дәуірінде дәстүрлі өмір салтының ыдырауын бастан кешіретін есениндік лирикалық кейіпкердің ішкі драмасымен үндестігі көрсетіледі. Есенин өлеңдерінің әуезділігі мен оның

ақындар мен жыраулардың ауызша-поэзиялық дәстүріне жақындығына, сондай-ақ Есенин шығармашылығының Қазақстан мәдениетіндегі қабылдануы мен аударма тәжірибесіне ерекше назар аударылады. Автор Есенин поэтикасы еуразиялық философиялық-мәдени контекстке еніп, орыс және қазақ рухани дәстүрлері арасындағы сұхбат кеңістігіне айналатынын дәлелдейді.

Кілт сөздер: философия, мәдениет, поэтика, дала.

YESENIN'S POETICS AND KAZAKH TRADITIONAL PHILOSOPHY: POINTS OF INTERSECTION

Zhaksylykov M.B.

The article analyzes the relationship between the poetics of Sergey Yesenin and Kazakh traditional philosophy, identifying shared worldview foundations and points of intersection. It examines the perception of nature as a living space in which the human being, the land, and the cosmos form a unified moral and semantic whole; Yesenin's cult of the "native land" is compared with the Kazakh concept of tughan zher ("native land") as a key element of national identity. Drawing on the works of Abai and other Kazakh thinkers, the idea of the "integral human being" is explored and shown to resonate with the inner drama of Yesenin's lyrical hero, who experiences the rupture of traditional ways of life in the era of modernization. Special attention is paid to the musicality of Yesenin's verse and its affinity with the oral and song-based traditions of akyns and zhyrau, as well as to the reception of Yesenin in Kazakh culture and translation practice. The author demonstrates that Yesenin's poetics is embedded in the Eurasian philosophical and cultural context, becoming a space of dialogue between Russian and Kazakh spiritual traditions.

Keywords: philosophy, culture, poetics, steppe.

REFERENCES

1. Kazakh Traditional Philosophy: Values, Worldview, Harmony. // Al-Farabi Journal of Philosophy. Available at: <https://alfarabijournal.org>
2. Akhmetov, Q. The Language of Kazakh Poetry. Almaty: Gylym, 2011. 348 p.
3. Bakhtin, M. M. Aesthetics of Verbal Creativity. Moscow: Iskusstvo, 1979. 423 p.
4. Beisenova, A. Traditional Worldview of the Kazakhs: Philosophical Foundations. Astana: Foliant, 2020. 214 p.

5. Philosophy of Nature in Kazakh Culture. // Institute of Philosophy Kazakhstan (IPH). Available at: <https://iph.kz>
6. Dunaev, M. M. Sergei Yesenin: Life and Creative Work. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2007. 419 p.
7. Abai's Philosophy: Human Being, Nature, Morality. // StudFiles. Available at: <https://studfiles.net>
8. Abai's Heritage and Contemporary Kazakhstani Society. // Kazakhstanskaya Pravda. Available at: <https://kazpravda.kz>
9. Ethics and Spiritual Education in Abai's Works. // Ministry of Education of the Republic of Kazakhstan (gov.kz). Available at: <https://www.gov.kz>.
10. Yesenin and the Philosophy of Wholeness: A Review of Materials. // Olketanu — Pushkin Library, Kazakhstan. Available at: <https://olketanu.pushkinlibrary.kz>
11. Harmony of the Human Being and the Universe in the Tengrian Tradition. // Al-Farabi Journal of Philosophy. Available at: <https://alfarabijournal.org>
12. Kozybayeva, M. Pantheistic Motifs in Kazakh and Russian Lyric Poetry. // Bulletin of the Eurasian University, 2020, No. 3, pp. 128–137.
13. Yesenin's Poetics in the Context of the Eurasian Cultural Tradition. // Institute of Philosophy Kazakhstan (IPH). Available at: <https://iph.kz>
14. Ornamentality and Melos in Yesenin's Poetry. // Digital Library. Available at: <https://lib.kazneb.kz> or <https://e-history.kz>
15. Pakhmutova, E. V. Yesenin's World: Symbols, Motifs, Cultural Code. St. Petersburg: Philological Society, 2016. 302 p.
16. Satybaldiev, A. History of Kazakh Literature. Almaty: Bilim, 2004. 496 p.
17. Translations of Yesenin into the Kazakh Language: The Creative Legacy of Kadyr Myrzaliev. // Zhaiyk Press. Available at: <https://zhaikpress.kz>
18. The Collection "Ömirqos" (2023): New Translations of Yesenin. // Irtar / IrStar (News Portal). Available at: <https://irstar.kz>
19. Poetic Dialogue between Makatayev and Yesenin. // Stihi.ru. Available at: <https://stihi.ru>
20. Yesenin in the School Curriculum of Kazakhstan. // Kargoo.kz (School Portal of the Republic of Kazakhstan). Available at: <https://kargoo.kz>